

Пазухин Алексей Михайлович

Княгиня Бутырская

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Михайлович П.**
Княгиня Бутырская / Пазухин Алексей Михайлович – М.: Книга по Требова-
нию, 2024. – 286 с.

ISBN 978-5-521-27087-3

ISBN 978-5-521-27087-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Дарья Даниловна Мельникова сидѣла въ своемъ нарядномъ, похожемъ на бомбоньерку, будуарчикѣ и плакала.

Нѣсколько тонкихъ батистовыхъ, обшитыхъ кружевами, платочковъ, смоченныхъ слезами, валялось и на маленькомъ рукодѣльномъ столикѣ, и на шелковой вычурной кушеткѣ, гдѣ сидѣла Дарья Даниловна, и прямо на полу. Нѣкоторые изъ этихъ платочковъ были не только смочены слезами, но и разорваны.

Яркое солнце погожаго сентябрьскаго утра глядѣло въ окна, стараясь пробиться своими холодными лучами сквозь тюлевые гардины, сквозь вазы съ искусственными цвѣтами, сквозь тяжелыя драпировки, кое-какъ отдернутыя.

Насколько возможно было, лучи эти освѣщали нарядный, чуждый даже нарядный будуаръ хозяйки, убранный съ той крикливой роскошью, которая обличаетъ не тонкій вкусъ, а грубоватую руку ремесленника, дѣлающаго все по послѣдней модѣ, но не руководимаго никѣмъ, кто могъ бы сдѣлать тѣ указанія, которыя смягчаютъ общій тонъ обстановки.

Слишкомъ много было бронзы, тяжелаго, принимающаго въ себя пыль плюша, яркихъ ковровъ, вѣровъ по стѣнамъ и тѣхъ бездѣлушекъ, которыя ставятся на этажерки и полочки не потому, что онѣ нравятся, а потому, что этого требуетъ извѣстная обстановка.

Хозяйка этого будуара и всей небольшой, но хорошенькой квартиры, расположенной въ одномъ изъ переулковъ Петровки, Дарья Даниловна Мельникова, была средняго роста, кра-

сиво и нѣжно сложенная блондинка, съ темносиними, нѣсколько наивными глазами, съ хорошимъ очертаніемъ рта, съ пышными волосами того золотистаго оттѣнка, который въ природѣ встрѣчается очень рѣдко и который достигается болѣею частью при помощи краски,—у Дарьи Даниловны волосы были натуральные.

Нѣсколько расплывшіяся формы не портили ея фигуры такъ какъ костью она была тонка и излишняя полнота ей пожалуй, не мѣшала. Расплывчатость формъ объяснялась полнымъ ничегонедѣланіемъ Дарьи Даниловны, долгимъ сномъ: въ слишкомъ мягкой постели, обиліемъ различной мучной пищи и множествомъ лакомства, которое поглощалось молодой женщиной.

Дарья Даниловна Мельникова или Долли, какъ звали ее въ ея кружкѣ, была дочь не только бѣдныхъ, но и совершенно неблагородныхъ родителей. Давно умершій отецъ ея служилъ гдѣ-то швейцаромъ, мать пришла изъ деревни на должность простой судомойки, приглянулась этому швейцару изъ отставныхъ солдатъ, была взята имъ въ замужество, подарила мужу единственнаго ребенка, вотъ эту самую Дарью Даниловну, и умерла въ пріемномъ покоѣ, гдѣ разрѣшилась отъ бремени. Отецъ взялъ дѣвочку къ себѣ, но, пораженный смертью любимой жены, сталъ пить и тоже скоро умеръ, а дѣвочка, которой не было еще году, попала на воспитаніе къ теткѣ, содержавшей квартиру «съ углами».

Десяти-или одиннадцатилѣтнюю Дашу отдали въ модн мастерскую; тамъ она обратила на себя вниманіе очень хорошенькимъ личикомъ, попала, благодаря протекціи какой-то «покровителя искусствъ», въ хористки опереточнаго театра, а потомъ...

Потомъ случилось то, съ чего начинается наша повѣсть.

Покровительствовалъ искусству Долли не одинъ только тотъ кавалеръ, который пристроилъ ее въ хористки,—она была слишкомъ хороша для того, чтобы не возбуждать соревнованія такихъ покровителей. Съ годъ тому назадъ въ нее влюбился довольно еще молодой и красивый купеческій сынъ, Аркадій Игнатѣвичъ Сливцовъ. Совершенно независимый, обладающій большими и свободными деньгами, онъ

взялъ Долли изъ театра, не желая, чтобы она фигурировала передъ публикою въ игривыхъ и откровенныхъ костюмахъ, и сдѣлалъ ей предложеніе, желая отдать не только сердце, но и свою фамилію. Свадьбу онъ отложилъ на неопредѣленное время, такъ какъ древній отецъ его, прикованный къ одру болѣзни, долженъ былъ скончаться въ скоромъ времени, что не было секретомъ ни для кого.

— Пусть папаша умрутъ, — говорилъ Сливцовъ дѣвушкамъ. — Это, дорогая моя Долли, случится въ очень непродолжительномъ времени. Мы ожидаемъ его кончины со дня на день, а теперь, при тяжко больномъ отцѣ, и свадьбу играть не стоитъ, да и зачѣмъ я буду отравлять послѣдніе дни моего отца, конечно, нежеланнымъ для него бракомъ.

Долли ничего противъ этого не имѣла и зажила со своимъ женихомъ весело, богато и счастливо.

Положеніе ея было таково, что она встала значительно выше всѣхъ своихъ подругъ, которыя невѣстами не состояли, а просто пользовались покровительствомъ различныхъ болѣе или менѣе богатыхъ людей.

Веселые обѣды продолжались до еще болѣе веселыхъ ужиновъ, день начинался съ двухъ-трехъ часовъ, вечеръ проводился въ театрѣ, половину ночи кутили гдѣ-нибудь за городомъ, слушая цыганъ, свободное отъ «этихъ занятій» время Долли проводила у своей портнихи и въ различныхъ магазинахъ.

«Праздникомъ свѣтлымъ вся жизнь пролетѣла», то-есть та вотъ жизнь, которая тянулась со дня знакомства съ Аркадіемъ Игнатьевичемъ и кончилась наканунѣ того дня, съ котораго начинается наша повѣсть.

Наканунѣ этого дня Аркадій Игнатьевичъ Сливцовъ прислалъ къ Долли своего друга и наперсника, Степана Артамоновича Выюшина, господина среднихъ лѣтъ, съ великолѣпными усами, но не имѣющаго опредѣленныхъ занятій и постоянного мѣстожительства.

Наперсникъ этотъ привезъ Дарьѣ Даниловнѣ конвертъ, въ которомъ лежало различными процентными бумагами пятьдесятъ тысячъ рублей, вручилъ ей этотъ конвертъ подъ расписку и сообщилъ, что Аркадій Игнатьевичъ уѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ женится на дочери мѣстнаго богача, хлѣбнаго торговца.

Дарья Даниловна конвертъ хотѣла было изорвать, но этого не сдѣлала, а послѣ довольно сильнаго истерическаго припадка конвертъ заперла въ шифоньерку, опять впала въ истерику, потомъ убѣжала въ столовую, отворила буфетный шкафъ и залпомъ выпила цѣлый графинчикъ «финь-шампань», вмѣщающій рюмокъ восемь.

Послѣ этого радикальнаго средства она заснула, проспав всю ночь и вотъ сегодня проснулась въ родѣ какъ бы вдовою огорченная, быть-можетъ, даже влюбленная въ Сливцова, обиженная, но обладающая порядочнымъ капиталомъ, о которомъ она никогда и думать не могла.

Въ будуарѣ, кромѣ Дарьи Даниловны, сидѣли ея подруга, взятая въ домъ, какъ компаніонка, Аграфена Тарасовна Авсецова, и этотъ самый «вѣстникъ несчастія» Степанъ Артамоновичъ Вьюшинъ. Аграфена Тарасовна поглаживала по плечу рыдающую Долли, а Степанъ Артамоновичъ сидѣлъ неподалеку верхомъ на стулѣ, курилъ сигару и ораторствовалъ.

— Да полно вамъ, милая моя Долли, плакать,—говоритъ онъ, пуская низкія баритонныя нотки, которыя почему-то называются «барскими» и которыя происходятъ собственно отъ неумѣреннаго употребленія всякихъ яствъ и питій.— Полно вамъ убивать себя и портить очаровательные глазки... Право же, грѣхъ вамъ, моя очаровательная! Аркашка поступилъ не какъ хамъ, а какъ самый настоящій, чистокровный джентльменъ. Помилуйте, вѣдь онъ вамъ презентовалъ пятьдесятъ тысячъ!.. Пять-десять тысячъ!.. Вѣдь это, дорогая моя, цѣлое состояніе и очень порядочное состояніе... Вы прекрасны, молоды, свободны, какъ степной вѣтеръ, и обладаете пятьюдесятью тысячами, такъ о чемъ же вамъ плакать?..

— Мнѣ жаль Аркашу, я... я люблю его!—плаксиво и какъ-то по-дѣтски проговорила Дарья Даниловна и уткнулась лицомъ въ вышитую подушку, которая лежала на кушеткѣ; плечи ея такъ и вздрагивали отъ рыданій.

— Люблю!.. Вотъ ужъ совсѣмъ нѣтъ этого глагола въ моемъ лексиконѣ,—со смѣхомъ проговорилъ Вьюшинъ.— Этотъ глаголь, очаровательная Долли, надо совершенно вычеркнуть изъ обихода современной жизни. Я понимаю увлеченіе, я понимаю наслажденіе, которыя получаются отъ сим-

патіи душъ, но такой любви, которая обуреждаетъ васъ, я совсѣмъ не понимаю... Это сантиментальность, не болѣе... Все это вздоръ, все это тринѣ-трава. Ну, поскучайте немножко объ Аркашкѣ, ну, устройте этакую тризну по немъ и затѣмъ начинайте жизнь, полную радостей и наслажденій.

— Да, конечно же, Долли, не стоитъ убиваться,—сказала компаніонка, сухая дѣвица, лѣтъ за тридцать, съ безконечно длиннымъ носомъ и какими-то зеленоватыми глазами.—Ежели онъ оказался измѣнникомъ, такъ даже, по-моему, унижительно убиваться по немъ. Ежели бы со мной произошелъ такой случай, такъ я бы даже и не подумала. По моему мнѣнію, кавалеръ, ежели онъ окажется низкимъ измѣнникомъ, не заслуживаетъ никакого уваженія... Степанъ Артамоновичъ совершенно справедливо говорятъ, что для тебя, Дашенька, сейчасъ должна начаться самая пріятная жизнь... Ахъ, ежели бы мнѣ такой капиталъ!.. Я бы не то что не стала плакать о какомъ-нибудь коварномъ мужчинѣ, а даже и думать бы о немъ перестала...

Но ни эти слова подруги-компаніонки ни убѣдительныя рѣчи Степана Артамоновича не достигали цѣли, и Долли продолжала плакать, уткнувшись въ подушку.

Вьюшинъ взглянулъ на часы и всталъ.

— Ну, я вижу, что наша очаровательная хозяйка намѣрена долго играть трагедію,—сказалъ онъ.—Я рассчитывалъ было позавтракать здѣсь хорошенько, выпить бутылочку «помри» для ради поздравленія съ полученіемъ крупныхъ суммъ, но, должно-быть, придется отложить это до другого раза, а теперь мнѣ пора.

Вьюшинъ подошелъ къ Долли.

— Да перестаньте же, Дарья Даниловна, право же, это скучно,—сказалъ онъ.—Я вечеромъ пріѣду за вами, чтобы свезти васъ въ театръ. Вы должны быть свѣжи, элегантны и красивы, какъ всегда. А если вы и вечеромъ будете плакать, такъ Степанъ Вьюшинъ не другъ вамъ, не защитникъ, и нога его никогда не переступитъ порогъ вашего дома... Ну, до свиданія, моя милая...

Вьюшинъ взялъ Долли за руку повыше локтя, пожалъ эту руку, а потомъ обратился къ компаніонкѣ:

— До свиданія, почтеннѣйшая Аграфена Тарасовна! Уговорите вы ее пожалуйте. Это женщины умѣютъ какъ-то дѣлать. Я рѣшительно требую, чтобы къ вечеру всѣ эти скучныя антимоніи кончились. Сейчасъ я позавтракаю гдѣ-нибудь въ кабачкѣ, потомъ поѣду по дѣламъ, мимоходомъ возьму ложу въ Маломъ театрѣ, гдѣ сегодня идетъ новая пьеса, и заѣду за вами. До свиданья...

Вьюшинъ, застегивая щегольское осеннее пальто и направляя блестящій модный цилиндръ, вышелъ на подъѣздъ и кликнулъ извозчика-лихача, который дожидался его.

— Въ Эрмитажъ!—приказаль онъ.

Выходя изъ пролетки у подъѣзда «Эрмитажа», Вьюшинъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Завтракать, Герасимъ, я буду не болѣе часу, а потомъ поѣду съ тобой очень далеко, въ невѣдомыя и грязныя страды какой-то Даниловской слободки, гдѣ даже никогда не бывалъ такъ не запряжешь ли ты другую лошадь? А?

— Такъ точно, Степанъ Артамоновичъ, придется,—отвѣтилъ лихачъ.—И ежели позволите, я чайку попою и подаю вамъ черезъ часъ на другой, а то эту, дѣйствительно, маленькую позагоняли сегодня.

— Ну, хорошо!

Вьюшинъ, сбросивъ пальто [на руки швейцара, который не то что почтительно, а нѣсколько фамиллярно и дружески поклонился ему, поклонился такъ, какъ лакеи и швейцары ресторано́въ кланяются посѣтителѣмъ, хорошо знакомымъ, но не особенно значительнымъ и даже не особенно щедрымъ, такимъ, однимъ словомъ, посѣтителѣмъ, которые не обладаютъ своимъ собственнымъ свѣтомъ, а заимствуютъ его, какъ спутники, отъ настоящихъ крупныхъ свѣтилъ.

Такъ же ласково или небрежно, а то такъ и презрительно кланялись и здоровались съ Вьюшинымъ посѣтителѣ шикарнаго ресторана, собравшіеся здѣсь въ этотъ часъ завтракать. Только какой-то очень еще юный купчикъ, весь въ брилльянтахъ, поздоровался съ Вьюшинымъ нѣсколько почтительно; онъ, должно-быть, только что вступилъ въ жизнь и видѣлъ въ Степанѣ Артамоновичѣ человѣка свѣтскаго, умудреннаго опытомъ и, быть-можетъ, даже значительнаго.

Вьюшинъ занялъ столикъ, спросилъ водки, семги, горячій колачъ, выпилъ этой водки рюмокъ шесть, потомъ съѣлъ какое-то мясное блюдо и перешелъ за сосѣдній столикъ, гдѣ пили красное вино представительные, среднихъ лѣтъ, франты, въ великолѣпныхъ сюртукахъ, въ ослѣпительныхъ воротничкахъ и въ самыхъ модныхъ галстукахъ.

Вьюшинъ разсказалъ компаніи какой-то свѣжій анекдотъ, смѣясь этимъ анекдотомъ поощрительныя улыбки, разсказъ другой, еще болѣе пикантный, вызвавшій уже громкій смѣхъ всей компаніи, и получилъ приглашеніе выпить вина. Похлебывая душистое густое красное вино и покуривая сигару, которую предложилъ Вьюшину одинъ изъ компаніи, Степанъ Артамоновичъ продолжалъ разсказывать анекдоты, сообщалъ различныя новости и затѣмъ всталъ и посмотрѣлъ часы.

— Однако, мнѣ пора,—сказалъ онъ.

— Да посиди, куда тебѣ торопиться?—сказалъ одинъ изъ гостей.

— Нѣтъ, нужно... По неотложному дѣлу тороплюсь.

— Скажите пожалуйста!.. У Степы Вьюшина и вдругъ нужныя дѣла!..

— Всяко бываетъ, мой милый... Пора и мнѣ за умъ взятыся, а то на старости лѣтъ, пожалуй, безъ куска хлѣба и безъ крова останешься... Вотъ съ вами, съ тузами, компанію водишь: напоить вы напоите, каждый день напоите, а попроси у васъ взаймы какую-нибудь четвертную, такъ...

— Ежели ты, Степа, подговариваешься къ этой четвертной, такъ напрасно...—перебилъ его чернобородый франтоватый баринъ.

— Да, совершенно напрасно,—сказалъ другой:—мы сегодня не при деньгахъ.

— Да знаю, знаю ужъ,—засмѣялся Вьюшинъ.—Не надо мнѣ, не требуется. А вотъ будь такъ добръ, Павелъ Михайловичъ, заплати за мой завтракъ,—тамъ пустяки какіе-то...

И, не дожидаясь согласія, Вьюшинъ пошелъ, сдѣлавъ всей компаніи ручкой.

— Павелъ Михайловичъ заплатитъ,—сказалъ онъ подошедшему къ нему съ вопросительнымъ видомъ человѣку.

Лихачъ ждалъ его уже, и Степанъ Артамоновичъ приказалъ везти себя въ Даниловскую слободу.

— Это очень далеко, Герасимъ?—спросилъ онъ у лихача.

— Да-съ, далеконько!

— Ну, ничего, погода сегодня прекрасная, и можно не безъ удовольствія прокатиться.

Пролетка, мягко шурша резиновыми шинами, покатила по улицамъ, которыя были залиты яркимъ солнцемъ. Въ прозрачномъ воздухѣ неслась паутина,—эта предвѣстница хорошаго и продолжительнаго «бабьяго лѣта». Ярко желтели листья на бульварныхъ деревьяхъ, блестѣли главы московскихъ церквей, а по улицамъ неслись экипажи, безконечными толпами шли пѣшеходы, видимо наслаждающіеся дѣйствительно чуднымъ, лучшимъ любого лѣтняго днемъ.

— Вотъ она, Степанъ Артамоновичъ, Даниловская слобода,—обернулся къ Вьюшину извозчикъ.

— Ага... Тутъ и городскихъ что-то не видать... Не у кого и спросить...

— А вамъ что нужно-то?

— Домъ Козихина тутъ есть... Эй, любезный дяденька, пожалуйста-ка сюда!..

Отъ воротъ дома съ низенькой скамьи поднялся туземецъ, который вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ за ворота, и подошелъ къ пролеткѣ.

— Гдѣ тутъ, любезный мой, домъ Козихина?

— Козихина?.. А это прямо вотъ... Вонъ проѣдете ту портерную, такъ свернете налѣво и тутъ на углу будетъ вамъ домъ Козихина.

— Тамъ много квартиръ?

— Фатеръ?.. Фатеръ тамъ много... Тамъ сейчасъ капитанъ отставной живетъ и «углы» сдаетъ отъ себя, а внизу одна ундерша тоже фатеры держать...

— А вы не слыхали ли, почтенный мой, объ одномъ князѣ, который живетъ въ этомъ домѣ Козихина?

Туземецъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Степана Артамоновича, полагая, должно-быть, что тотъ шутить.

— Князя?.. Нѣтъ, князей въ нашихъ мѣстностяхъ нѣтъ...

— Анъ есть,—сказаль другой туземець, пробираясь черезъ улицу, съ ковригою хлѣба въ одной рукѣ и съ двумя бутылками квасу въ другой.—У этого самаго капитана уголь дѣйствительно что князь одинъ занимаетъ, по фамиліи Бутырскій... Настоящій князь и очень даже господинъ молодой изъ себя красивый, а только, стало-быть, опустившійся... очень даже горе-горькій князь, но князь, настоящій князь...

— Вотъ его-то мнѣ и надобно,—сказаль Степанъ Артамоновичъ.

Звончикъ тронуль своего рысака и рысцой поѣхаль къ указанному дому.

II.

Зойдя во дворъ дома Козихина, Степанъ Артамоновичъ Вьюнъ сразу очутился въ новой для него, совершенно чуждой обстановкѣ.

Порхая въ жизни, какъ мотылекъ, Степанъ Артамоновичъ Вьюшинъ зналь Москву только съ ея показной стороны. Онъ отлично былъ знакомъ съ топографіей лучшихъ улицъ столицы, зналь всѣ ходы и выходы модныхъ ресторановъ, зналь самые завѣтные уголки театровъ и, проживъ въ Москвѣ много лѣтъ, никогда не видалъ московской бѣдности, сѣроты и убожества, развѣ только гдѣ-нибудь мимоходомъ.

Дворъ дома Козихина представляль изъ себя яркую картину самой неприглядной московской бѣдности и скудости.

До невозможности грязный, весь заваленный какими-то мусорами, корзинами, залитый и заполненный различными остатками неприглядной кухни, зловонный и до ужаса антисанитарный, онъ весь кишѣль оборванными ребятишками, которые не только играли тутъ, а даже, должно-быть, и питались, отыскивая въ отбросахъ все, что можно было съѣсть, и оспаривая право на это съѣстное у двухъ до невозможности толстыхъ собакъ.

Убогая, ошипанная, оборванная дѣтвора эта чувствовала себя въ ужасной обстановкѣ превосходно, звонко смѣялась, кричала и дралась.

Довольно большой домъ, деревянный, но на каменномъ фундаментѣ, смотрѣлъ на дворъ десятью окнами своихъ двухъ этажей съ выбитыми стеклами, которыя замѣнялись то сахарной бумагой, то различными тряпками. Изъ нѣкоторыхъ оконъ на вошедшаго во дворъ Степана Артамоновича глядѣли какія-то странныя фізіономіи неизвѣстнаго пола и возраста.

Степанъ Артамоновичъ подозвалъ къ себѣ одного изъ дѣтей, мальчика лѣтъ семи, въ ситцевой рубашонкѣ, несмотря на свѣжій осенній день, и въ фуражкѣ съ цвѣтнымъ околышемъ, которая украшала когда-то какого-нибудь кавалерійскаго офицера-франта.

— Ты въ этомъ домѣ живешь, гражданинъ? — спросилъ Степанъ Артамоновичъ.

— Въ этомъ...

— А не знаешь ли ты, гдѣ живетъ тутъ князь?

— У насъ много князей живетъ... Тебѣ какого надо?

Степанъ Артамоновичъ удивился.

— Какъ, даже много князей? — спросилъ онъ.

— Извѣстно много... Въ подвальномъ этажѣ ихъ шесть человекъ живетъ, только они сейчасъ съ товарами по Москвѣ ушли, шурумъ-бурумъ, стало-быть.

— А, ты вотъ про какихъ князей говоришь! — догадался Вьюшинъ. — Нѣтъ-съ, гражданинъ, мнѣ не этихъ надо. А живетъ тутъ у васъ гдѣ-то не татаринъ-князь, который шурумъ-бурумъ, а русскій князь, князь Павелъ Борисовичъ Бутырскій.

— А-а, есть и такой... Онъ у Агриппинихи живетъ; вотъ по этой лѣстницѣ ступай, тамъ тебѣ покажутъ... Ему недавно Мишка-сапожникъ бутылку водки пронесъ, такъ надо полагать, что князь сейчасъ не въ своемъ видѣ и спать.

— Ты проводи-ка меня къ нему, гражданинъ, я гривенникъ тебѣ за это дамъ на орѣхи...

Мальчуганъ поправилъ съѣхавшую ему на носъ фуражку, оживился и полетѣлъ впередъ показывать щедрому барину дорогу.

По расшатанной, наполовину сгнившей лѣстницѣ, у которой недоставало нѣкоторыхъ ступеней, Степанъ Артамоно-